

Казачья эмиграция.

Юбилейный концерт хора донских казаков имени атамана Платова.

... Ни труды нам, ни болезни
К славе путь не прекратят,
Ой-да барабаны, они наши песни
Всюду с нами прогремят!...

Смолкли барабаны!...

Но не смолкла казачья песня!...

Казачи, разлетевшись по всем странам мира, всюду занесли свою родную казачью песню. Где есть казак, там живет казачья песня. Своеобразная казачья жизнь, быт, нравы, обычаи, освященные вековыми традициями, создали свою обособленную песню.

Беспримерная любовь к своему краю, к Дону Тихому, к просторам степным к гулливым, шумным, цветущим станицам, ко всему своему казачьему, родному вылилась в бесконечной казачьей песне. Чуткая душа казака, его богатая, недюжинная натура дала песне особую задушевность и разнообразие, создала свой особый мотив, свой ритм, свою особую гармонию, родила подголосок — самоцветную жемчужину казачьей песни.

В слова своих песен Казачество вложило всю силу народного творчества и мощь своего духа.

Казачи создали песню, срослись с ней, любят ее и гордятся ею. В самом деле, ни одна казачья вечеринка, ни одно собрание не заканчивается без песни. Ярко это выразилось и у пражского казачьего студенчества. Программу своего традиционного бала всегда заканчивало картинкой из казачьей жизни, с пением и казачком и всегда это было гвоздем вечера.

Не буду касаться истории возникновения казачьего хора в Праге, скажу лишь одно: чтобы дать характер подлинной казачьей песни, нужно ее воспринять с молоком матери, нужно родиться с ней!... По сему понятен неуспех всех дирижеров каз. хора в Праге. Возникновение хора имени Платова связано с появлением Н. Ф. Кострюкова.

Н. Ф. Кострюков сумел подойти к казачьей песне, нашел те нитки, которыми должен быть связан дирижер с песней, а хор с дирижером!... И чудо совершилось!...

Те же хористы, которых насильно не один год и не один регент, почувствовали, что их хор зазвучал, что те же казачьи песни по новому, по настоящему — зазвучали и полились, приковывая внимание слушателя.

Да, родился настоящий казачий хор!... Вот уже красуется на больших цветных плакатах в мировых курортах Чехии имя хора донских казаков имени Платова. Не было тогда еще техники, хромала художественность, но была экспрессия в исполнении, прочувзованность и любовь в исполняемых казачьих песнях. Этим, только этим, казачьей особенностью, сквозившей во всем, победили платовцы.

Начало хора Платова было расцветом и победой казачьей песни!...

Отрадно было слышать об успехах Платовцев, ибо это же успех наш казачий.

Прочитаешь заметку в газете и мысли летят за хором... Париж, Вена, Варшава, Будапешт, Бухарест, Белград, София, Брюссель, Милан, Рим, Афины и т. д., и т. д....

И невольно задаешь вопрос: когда же в Праге?... Скорей бы послушать свою родную песню, хоть на миг забыться. Крикнуть гордо всем — „Вот она, наша песня — вот они, казаки Платовцы — смотрите, вот мы какие!...“

2-е сентября... Целый день чувствуется праздничное настроение... 1.000-й концерт, юбилей Платовцев!... Сегодня юбилей казачьей песни! Тысячный раз она прозвенит, зачаровывая слушателей.

Успеха Вам, родные Платовцы!... Сделайте этот день днем казачьего торжества казачьей Праги! Ведь мы делили с Вами все невзгоды, все радости и ждали Вас!

У кассы толпа... Беспокойно-торопливые обрывки фраз: „Что, уже нет билетов? Не попадешь?...“

Но мы то, казаки, попадем!... Почетные билеты!...

Уверенность скоро сменилась сомнением, а там и разочарование близилось!... Отсутствовал даже намек на порядок!... Представители казачьих организаций, пришедшие приветствовать своих казаков, не могут попасть в зал.

Что же это? Неужели уже Платовцы успели забыть всех, с кем они были органически связаны, благодаря чьей помощи они вышли на путь своей славы?

Так скоро?!...

Начался концерт. Не могу обойти молчанием первого номера программы — Донской Гимн... Больно вспоминать даже сейчас, когда пишу эти строки, а там... в зале...

Осквернилось святое для Казачества — его Гимн!... Кем же?... хором имени славного атамана...

Что заставило Платовцев исполнять Донской гимн как песенку?!...

Почему не пели старую песню, а взяли слова святыне для Казачества, слова Гимна?

Гимн — молитва Казачества и слова в нем не представляются, не выбрасываются и не заменяются!...

Войсковой хор и весь Дон пел: „на призыв свободы Он!...“ А вам, Платовцам, зазорно произнести слово „свободы?...“ С каких нор?! Уж не современники появления хорошей рецензии в „Новом Времени!...“

Бережней с казачьей святыней!... Не забывайте, что Вы носите славное имя славного Атамана и форму Войска Донского!

Вообще же о хоре и о концерте мне, как казаку, больно и тяжело писать.

Казачьи песни в программу были вкраплены, как привесочки-погремушечки...

Все, что было раньше у Платовцев красивого, своеобразного, все выброшено... Не воодушевляют уже казачьи песни регента, нет в них пафоса для хора! Воодушевился хор песенками — „Черные гусары!...“ Случайно ли это?!... Боюсь, что нет! Русскую Прагу знает Кострюков хорошо!... Болела душа — рвалось сердце на части, тяжело было смотреть на форму казачью!...

Нет уж казачьих песен, достойных внимания и репертуара хора донских казаков... Тяжелое впечатление оставил концерт. Казачья радость, казачья гордость была преждевременна — казаки несут русскую песню, — русский дух!

Немым укором лежал веночек с казачьим флагом — диссонанс вносил он в юбилей! Напрасно верит Кострюков, что на Тихом Дону запоет русские песни!

Не раз певались на Тихом Дону русские песни, но всегда они пелись под акомпанимент пушечной и ружейной стрельбы, да под плач матерей, жен и детей казачьих. И теперь на Дону поются русские песни, да несладко тем, кто их слушает!

Надо беречь, хранить свои родные песни, ибо в них только теплится казачий дух, в них скрыта истая казачья душа.

М. Самсонов.

Из жизни калмыцкой эмиграции в Ч. С. Р.

(Краткий очерк о деятельности Калмыцкой Комиссии в Чехословакии).

Между эмигрантскими организациями, нашедшими братский приют, моральную и материальную помощь со стороны Республики Чехословацкого народа, шестой уже год работает Калмыцкая Комиссия Культурных Работников в Ч. С. Р.

Это Комиссия в своей национальной работе руководствуется теми целями, которыми ее руководители следовали на Родине. Эти цели были порождены жизнью и историей Калмыцкого народа и аналогичны национальным задачам других родственных монгольских племен Европы и Азии, находясь в созвучии с тем пробуд-

Калмыцкая комиссия культурных работников в Ч. С. Р.

ждением и стремлением к национальному возрождению, которые замечаются у всех почти отсталых народов частью Восточной Европы и по всей Азии. Но, положение указанных выше братских калмыкам народов является неизмеримо благоприятным в сравнении с той частью Калмыцкого народа, которая является составной частью Донского Казачества и откуда вышли почти все калмыки-эмигранты, а в том числе и Члены Калмыцкой Комиссии.

После продолжительной блестящей общей исторической жизни, после ухода большей части Калмыцкого народа обратно в Азию в 1771 г., его постиг период упадка во всех областях жизни: хозяйственно-экономической, культурно-политической. Оставшиеся на Волге калмыки разбились на несколько частей, и ослабленные этим разделением, полностью попали под власть русских чиновников. Но с конца XIX и особенно с начала XX века жизнь этих разрозненных частей Калмыцкого народа начала развиваться, особенно усиленным темпом это развитие шло у донских калмыков. Это развитие порождало надежду у калмыков на хорошее будущее, по крайней мере в хозяйственно-экономическом, отчасти и в культурном отношении.

Но пришли русские большевики и роковым образом прервали это развитие. В борьбе с ними погибла почти половина донских калмыков. Как ураганом была рассеяна калмыцкая учащаяся молодежь, много юношества свела в могилу война. Торжество нынешних господ СССР сопровождалось разрушением всех национально-культурных очагов Калмыцкого народа на Дону, всех его религиозно-духовных центров и вынудило наиболее боевую и сознательную часть народа и всех его маломальски видных общественных и культурных деятелей уйти в изгнание на чужбину. На место цветущих калмыцких станиц остались развалины, пепелища.

В пределах Донского Войска было 13 калмыцких станиц с населением в 35.000 обоего пола. В каждой станице было по несколько народных школ, в буддийских монастырях монастырях каждой станицы были сосредоточены большие сокровищницы калмыцко-тибетских книг, предметов калмыцко-тибетского искусства, масса реликвий национальной старины. Каждый монастырь являлся предтечей и образчиком культурно-оседлой жизни. Перейдя от кочевой, чисто пастушеско-скотоводческой жизни и хозяйства в оседлую земледельческо-скотоводческую, Калмыки быстро шли вперед.

Но был большой недостаток интеллигенции; не было литературы светского характера, издательства, не было приступлено к исследовательско-собирающей

работе произведений народно-устного творчества. Явившейся к началу XX века потребности национально-культурного возрождения народа не соответствовали требуемые и необходимые духовные предпосылки и личные интеллигентные силы.

К 1917 г. лиц, окончивших среднюю школу не было и десяти, а окончивших высшую школу был только один. Первая и единственная во всем калмыцком народе калмыцкая женщина, кончившая высшую школу, относится лишь к 1919 г. При этих условиях, конечно, не могло быть и своей национальной прессы.

С 1912 г. среди донских калмыков начинается усиленная работа по размещению молодежи в учебные заведения. Для более активного содействия их образованию создаются на калмыцкий общественный счет пансионы для мальчиков и девочек. К 1918 г. в средней школе было около 70-ти мальчиков и девочек. Появилось двое студентов и трое студенток, одна из которых и окончила естественно-исторический факультет Донского университета в 1918—19 году.

Но нашествие большевиков размело все, с таким трудом, заботами и большими затратами, созданное. Единственную студентку-медичку калмычку в 1918 г. большевики расстреляли, другая не кончила своего высшего образования. Двое студентов умерли, не пережив лишений гражданской войны. От учащихся в средней школе никого и ничего не осталось.

В какую бы отрасль жизни и деятельности Калмыцкого народа на Дону мы не посмотрели всюду остались лишь пепелища, разрушения, зияющие раны. Не разрушенное в период гражданской войны нашло гибель, смерть в период ужасного голода в 1921—22 годах. Оставшиеся на Родине наши братья лишь медленно и с величайшим трудом залечивают свои раны. Ушедшие в изгнание братья вынуждены больше думать о куске хлеба и каком-нибудь крове.

Но верные идеи национально-культурного возрождения своего народа, ушедшие в изгнание представители малочисленной калмыцкой интеллигенции и б. представители своего народа и в условиях изгнания пытаются выполнять общественные и национально-культурные обязанности перед своим народом.

Пребывание с 1921 г. в Чехословакии калмыцкого и казачьего деятеля Б. Н. Уланова послужило основанием здесь заложить начало для калмыцкого национально-культурного дела. Необыкновенно отзывчивое отношение Правительства Республики и чехословацкой общественности к ряду ходатайств Уланова сделало

возможным создание в Чехословакии калмыцкого национально-культурного центра.

Калмыцкие деятели в высоко развитой и культурной, проникнутой гуманным и сильным национальным духом обстановке Чехословакии обрели благоприятные условия для своей работы.

Организованная по инициативе Уланова весной 1923 г. Калмыцкая Комиссия положила на Чехословацкой почве основы национально-культурного возрождения калмыцкого народа. Эта Комиссия постановила себе следующие цели:

1. Создать духовные основы культурного возрождения Калмыцкого народа.
2. Подготавливать кадр калмыцких культурных работников.
3. Сбирать памятники:
 - а) калмыцкого устного народного творчества: народный эпос, сказки, песни, поговорки, пословицы;
 - б) калмыцкого национального искусства, музыки;
 - в) собирать литературу о калмыках, монголах и других близких им по этнографическим, религиозным и т. п. признакам народах;
 - г) организовать калмыцкое издательское дело.
4. Устраивать детей, юношей и лиц старшего возраста по степени их подготовки в различные учебные заведения Чехословацкой Республики и иных государств.
5. Всем учащимся калмыкам оказывать всемерную защиту их прав, интересам, моральную и иную поддержку.

Задачи, поставленные Калмыцкой Комиссией велики. Их полностью осуществить в эмиграции нельзя. Но ставить именно эти задачи является исторической необходимостью для культурного развития и всего будущего Калмыцкого народа.

Значение, характер и самое содержание деятельности Калмыцкой Комиссии от других эмигрантских организаций глубоко рознятся тем, что она обязана в ее сызнова создавать, впервые. И то, что ей удастся создать, явится почти единственным национально-культурным капиталом на долгое время, пока восстановятся силы нашего народа. В этом первая важная особенность Калмыцкой Комиссии.

Другая существенная особенность Калмыцкой Комиссии: она — единственный калмыцкий национально-культурный центр не только в эмиграции, но отчасти и на родине.

Ш. Хо-Б.

(Окончание следует).

По пути в Перу.

Группа казаков, выехавшая из гор. Софии 20 августа с. г. под командой бывшего представителя журнала „Вольное Казачество“ в Болгарии П. В. Нос, отправляющаяся в Перу для образования Перувиано-Кубанской казачьей станицы, прибыла 25 августа с. г. в гор. Марсель (Франция).

Прибывших в тот же вечер посетили казаки, живущие в лагере, вместе со станичным атаманом Марсельской казачьей станицы полковником Роговец.

Казаки, беседовали на самые разнообразные темы. Главной темой разговора было, конечно, о казачьих организациях вообще и о Вольном Казачестве в частности.

Отношения между казаками и русскими, живущими в лагере, натянуты.

В Марселе казачья станица, после короткого, но очень рязелого перерыва для нее, начинает постепенно развиваться.

На недавно состоявшихся перевыборах, избран атаманом станицы полковник Роговец, а председателем культурно-просветительной комиссии подесаул Шецель, которые прилагаю максимум энергии и все спо-

собы для объединения всех казаков в Марсельскую казачью станицу.

Дай Бог, чтобы и в Марселе все казаки, дорожащие своим прошлым и желающие в будущем видеть свое казачество вольным и не от кого независимым, объединились и все вместе заработали на благо дорогого казачества.

(Соб. кор.)

28-VIII-1929 г. Марсель.

Из жизни казаков в Марселе.

В первых числах сентября казаков в гор. Марселе посетил Донской Атаман, генерал Богаевский.

Поезд, с которым приехал Атаман, прибыл на станцию Марсель в 6 часов вечера.

Войскового Атамана на станции встретили: бывший русский консул в Марселе, атаман Марсельской общеказачьей станицы полковник Роговец, станичная администрация, дамы казачки и много казаков.

Со станции станичный атаман пригласил Войскового Атамана, в ресторан „Русь“, зал которого был украшен зеленью и был вывешен портрет бывшего Донского Войскового Атамана Каледина.

Генерал Богаевский сделал небольшой доклад.

Темой его доклада была жизнь казаков в родных краях и за границей.

В своем докладе, он так же уделил, как и раньше, место „Вольному Казачеству“, хотя на этот раз Донской Атаман был более мягок к самостийникам, в виду того, что идея Вольного Казачества стала и здесь захватывать казачьи массы.

После доклада был устроен небольшой банкет.

На банкете присутствовало много казачек и казаков, многие же не смогли там быть, так как последний устраивался на деньги по подписке.

На банкете много говорилось тостов.

Любителями казаками были спеты Донской и Кубанский войсковые гимны, при пении которых все встали.

В Марселе казаки, к сожалению, плохо-организованы. Нет той казачьей спайки, которая существует среди казаков, проживающих в Болгарии и Сербии. Есть надежды, что в будущем казаки объединятся вокруг Марсельской общеказачьей станицы, во главе которой стоит полковник Роговец.

(Соб. кор.)

10-IX-1929 г. Марсель.

Из жизни казаков в Югославии.

Казаки в селе Орловате (Банат) заняты исключительно земледелием, т. е. чернорабочей работой, или же мастерством. Во время сезонного времени они заняты полевыми работами, нанявшись по хозяевам, тяжело, но прилежно исполняют принятые на себя обязанности.

В этом селе казаков находится небольшая группа, между нами есть донцы и кубанцы; между собою они живут дружно; по окончании полевых работ, работают на паровых молотилках, дабы скопить себе монету для зимнего обихода.

Как не трудно работать чужую работу, все же несут наложенное на них бремя...

В воскресный или праздничный день собираются в одно — целое „казачество“ и здесь делят между собою казачью думу...

Читают за неделю полученные письма, газеты и журналы, так например „Вольное Казачество“ берется на расхват и ему всегда есть очередной. Весь обвешанный лаской и истрепавшийся по карманам журнал находит себе нового друга, который истрепанные листки начинает читать, особенно об интересующей его жизни казака, например, в последнее время интересуется переселение казаков в Перу. И так журнал „В. К.“ находит себе новых и новых единомышленников...

Г. Алферов.